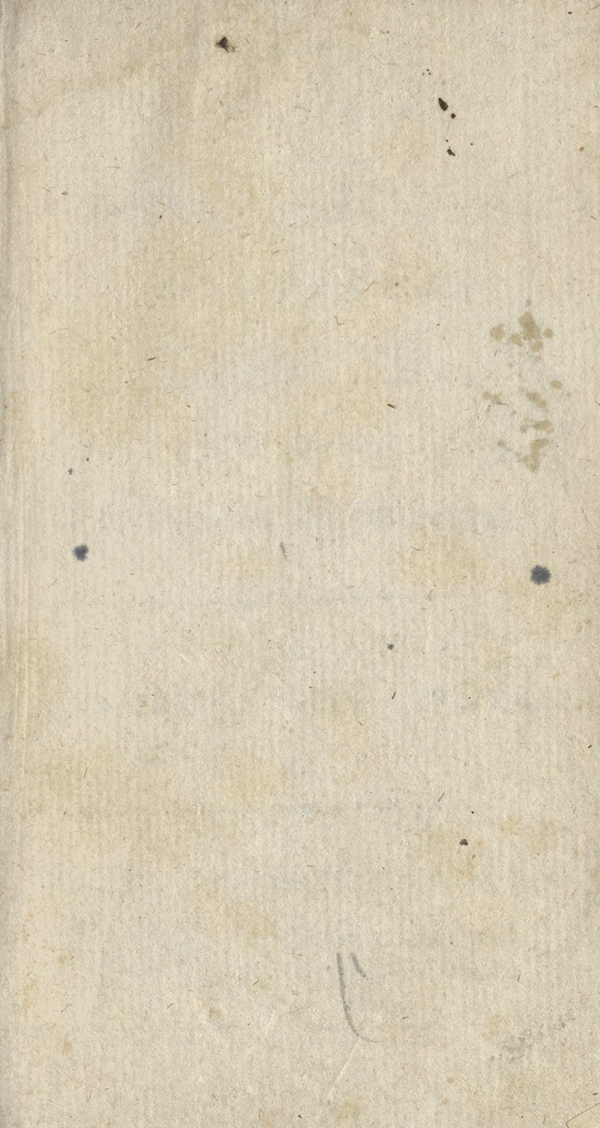

СИЛА ПЕРВЫХЪ СКЛОННОСТЕЙ.

ГИШПАНСКАЯ ПОВѢСТЬ,

СОЧИНЕННАЯ

Госпожею Барбїерою.

ПЕРЕВЕДЕНА

СЪ

ФРАНЦУССКАГО ЯЗЫКА

НА

РОССІЙСКОЙ.

Печатана при ИмператорскомЪ МосковскомЪ УниверситетѢ
1762. года.

СИЛА
ПЕРВЫХЪ СКЛОННОСТЕЙ.
ГИШПАНСКАЯ
ПОВѢСТЬ.

СНѣтъ ничего способнѣе, какъ противиться первымъ склонностямъ въ то время, какъ они раждаются. Когда они не пришли еще въ совершенную силу: то отсутствіе чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ, со всѣмъ можетъ ихъ разрушить. Но ничто не можетъ быть столь трудно, какъ побѣждать ихъ въ то время, когда утвердились уже они долговременною привычкою. Повѣсть, которую я писать намѣрена, можетъ доказать справедливость моего предложенія: я взяла ея съ Гишпанскаго оригинала.

Городъ Авила, великолѣпнѣйшїй есть изъ всей пространной Гишпанской монархїи. Въ немъ рождена была прекрасная Лаура. Естество одарило ея лучше, нежели щастїе, не оставя ей, чего желать болѣе, для тѣлеснаго преимущества; и воспитанїе соединенное съ тѣми дарованїями, которыя она имѣла, чтобъ быть разумнѣйшею въ свѣтѣ, здѣлало ей сносною утрату великаго богатства, принадлежащаго ей, какъ дочери знатнаго господина той провинцїи, естьлибъ токмо отецъ ея имѣлъ старанїе сохранить все то, что онъ получилъ отъ своихъ предковъ. Донъ Генрихъ [такъ онъ назывался] былъ весьма не великой домостроитель. Со всѣмъ тѣмъ, онъ не былъ еще приведенъ въ чрезвычайную бѣдность. Щастїе оставило ему довольно, чтобъ не довесть его до крайности: однако онъ не имѣлъ столько, чтобъ весть себя пристойно своей благородной фамилїи, которая была изъ древнѣйшихъ въ Гишпанїи. Онъ сталъ такъ скупъ на старости, какъ съ молоду былъ роскошенъ; и сїя-то скупость спѣшила ввергнуть дочь его въ бездну нещастїй, изъ

которой

которой небо избавило ея своими чудесами, въ награжденіе за добродѣтель. Естьлибъ Донъ Генрихъ пришедъ въ себя, хотя ужè и поздо, не сталъ сохранять остатковъ своего именія: тобъ братъ его Донъ Карлосъ не былъ столько щастливъ и остороженъ. Онъ не предвидѣлъ бы нещастныхъ слѣдствій, которыхъ должно ожидать, по расточеніи наслѣдства, до тѣхъ поръ, какъ ничего ужè у него не осталось. Но то, что болѣе приводило его въ сожалѣніе о сей утратѣ, было плачевное состояніе его сына, которой у него былъ одинъ, и родился еще въ то время, какъ льстила ему благополучная надежда. Онъ не чувствовалъ родительской должности и любви къ Валеру [такъ назывался его сынъ] до тѣхъ поръ, какъ не осталось оказывать иныхъ знаковъ любви, кромѣ безполезнаго раскаянія. Онъ былъ долгое время въ невѣденіи, что начать въ сей крайности: но щастіе, которое производило надъ нимъ удивительной опытъ своея премѣны, подало случай ввергнуть его болѣе въ отчаяніе, нежели избавить.

Одинъ изъ его сродственниковъ, которой былъ Грандомъ въ Гишпаніи, и по всѣмъ доказательствамъ, былъ не больше его домостроитель, ѣхалъ на Вицеройство въ Перу. Донъ Карлосъ, какъ скоро услышалъ сію вѣсть: то немедленно поѣхалъ въ Мадритъ, и выпросилъ у него позволеніе, чтобъ за нимъ слѣдовать. Сей господинъ, котораго собственныя его нещастія пріучили сожалѣть и о другихъ, услыша, что бѣдствія Дона Карлоса сходны съ его злополучіями, обѣщалъ ему вспоможеніе, необходимое въ путешествіи, которое предпріялъ онъ, будучи уже шестидесяти лѣтъ. Донъ Карлосъ, обрадовавшись обѣщаніемъ своего сродственника, возвратился въ Авилу, и вручилъ своего сына, которой былъ тогда десяти лѣтъ, Дону Генриху, своему брату. Послѣ сего, простившись съ ними, поѣхалъ въ Кадиксъ, чтобъ встрѣтить новаго своего благодѣтеля: оттуда поѣхали они водою въ Перу.

Донъ Генрихъ хотя и скупъ сталъ на старости; однако согласился подать помочь, которую прозьба и слезы

зы его брата, испросили молодому Валеру. Правда, что и увѣренiе здѣлать его участникомъ щастiя, не мало тому способствовало. Онъ воспиталъ племянника, какъ собственнаго сына; которой будучи достоинъ любви, не много имѣлъ труда войти въ милость къ своему дядѣ. Но какъ ужѐ сталъ онъ быть отъ него люби́мъ: то не былъ столь неблагодаренъ, чтобъ не отвѣтствовать ему на всѣ знаки милости, которые отъ него чувствовалъ. Онъ всечасно помнилъ то, что отецъ его, прощаясь съ нимъ, приказывалъ ему почитать того, у котораго въ рукахъ остается, какъ своего отца. Сiи слова̀ произнесенныя въ слезахъ, вкоренились столь твердо въ его сердце, что никогда не могли они быть забвенными; и одолженiя, которыя имѣлъ онъ отъ Дона Генриха, умножаясь съ его лѣтами, были ему непремѣннымъ закономъ, удвоить горячую любовь къ сему милостивому дядѣ.

Чтожъ надлежитъ до Лауры, то была она тогда семи лѣтъ, какъ Валеръ сталъ жить въ ихъ домѣ. Сходство лѣтъ и нравовъ, соединясь съ

родствомъ, начало производить между ими дружество, которое вседневно умножалось чрезъ взаимное открытїе хорошихъ качествъ, въ коихъ они были совершенны. Сїе дружество такъ далеко простиралось, что они не могли жить одинъ безъ другаго; а чтобъ лучше связать сїи узы, согласились они не иначе называть другъ друга, какъ дражайшими именами брата и сестры. Донъ Генрихъ, примѣчая ихъ нѣжность, нимало ей не препятствовалъ; и будучи увѣдомленъ чрезъ письма своего брата о началѣ его щастїя, не сердился за то, что молодой Валеръ любитъ дочь его, такъ что со временемъ можетъ быть бракъ ихъ: сродство не казалось ему такимъ препятствїемъ, коегобъ преодолѣть было не возможно.

Такимъ образомъ все способствовало къ соединенїю двухъ молодыхъ сердецъ, которыя были привязаны одинъ къ другому уже болѣе, нежели думали, приписывая сїе нѣжное удовольствїе, происходившее отъ чрезвычайной любви, одному дружеству. Правда, что Лаура, будучи уже тринатцати лѣтъ,

начала

начала быть гораздо осторожнѣе, и запретила Валеру употреблять тѣ вольности, которыя въ дѣтскихъ лѣтахъ, были ему позволены, и которымъ разсужденїе противится: жестокое и несносное разсужденїе, чего Валеръ хотя и не могъ сносить безъ роптанїя; однако долженъ былъ повиноваться, для того что Лаура изъясняла ему свои мнѣнїя съ такою строгостїю, что онъ не въ силахъ былъ отвѣтствовать.

Сїе было только первое смущенїе любви, которая велѣла ему чувствовать сїе тогда, какъ начала дѣйствовать въ его сердцѣ. Времени прошло не много. Лаурѣ было пятнатцать лѣтъ; красота ея вездѣ ужѐ столько была прославляема, что многїе знатные Гишпанскїе Господа стали воздыхать объ ней, и старались одинъ предъ другимъ, имѣть такъ славную побѣду. Печальной Валеръ находилъ себя вседневно отягченнымъ ихъ прїѣздами, которые они дѣлали Лаурѣ; въ чемъ она изъ благопристойности, не могла имъ отказывать, и принуждена была соглашаться быть съ ними

тѣ часы, которые бы она препроводила гораздо пріятнѣе съ своимъ любезнымъ сродственникомъ. Но то привело Валера со всѣмъ въ отчаяніе, что нашелъ онъ одного изъ своихъ соперниковъ, которой былъ сынъ богатаго господина въ Авилѣ. Сей новой любовникъ Лауры, назывался Октавій. Онъ имѣлъ случай видѣть ея вседневно, и не могъ съ нею раставаться, не почувствовавъ смертельной печали. Донъ Алонзо [такъ назывался отецъ Октавіевъ] любилъ его съ горячностію, и спрашивалъ нѣсколько разъ о причинѣ его печали: со всѣмъ тѣмъ, не могъ получить отъ него никакого отвѣту. Хотя Лаурино благородство ни въ чемъ ему не уступало; но несходство ихъ щастія, заставляло его бояться противной стороны отцовой. Однако онъ тѣмъ ободрился, что сей великодушной отецъ казался быть въ великой тоскѣ, когда слышалъ его воздыханія. Онъ ему открылъ, что любитъ прекрасную Лауру, и что въ его власти здѣлать жизнь его щастливою.

Октавіевъ отецъ, имѣлъ со всѣмъ другія намѣренія для своего сына, и хотѣлъ

хотѣлъ тотчасъ оказать ту власть, которую дало ему надъ нимъ сїе священное имя. Но увидя, что печаль его препятствїемъ сильнѣе становится, обѣщалъ на конецъ своему сыну просить Лауру у Дона Генриха, что и исполнилъ на другой день.

Сїе предложенїе скупой и честолюбивой старикъ такъ принялъ, какъ лучше желать не можно. Столь полезное представленїе, которое дѣлали ему для его дочери, весьма его обрадовало. Онъ думалъ, что щастїе надъ нимъ умилосердилось, и хочетъ возвратить ему все то, что было у него отняло. Надежда, которою онъ себя льстилъ, въ послѣднихъ письмахъ отъ брата, показалась ему столь неосновательною, что почиталъ сїи мысли тщетными: самая вещь имѣла преимущество предъ химерою. Онъ благодарилъ Дона Алонза за честь, которую онъ дѣлаетъ ему и его дочери, предпочитая ихъ свойство другимъ, гдѣ щастїе согласовалось съ благородствомъ. Обѣщалъ ему уговорить свою дочь къ сему браку, увѣряя его, что она будетъ послушна.

Сколь велика была Лаурина печаль, когда услышала она отъ своего отца, что хочетъ онъ отдать ея за Октавія! Она кромѣ слезъ, не отвѣтствовала ему на первое объявленіе его воли, которыя проливала, показывая себя печальною, что принуждена будетъ оставить любезнаго отца. Такимъ-то образомъ изъясняла она себя Дону Генриху! Онъ не забывалъ ничего, чтобъ утѣшать ея въ разлученіи, которое должно причинить ей сіе полезное представленіе. На конецъ, оставя ея осушать слезы, пошелъ онъ тотчасъ къ Дону Алонзу, сказать ему о щастливомъ успѣхѣ своего намѣренія. Лишъ только Лаура осталась одна, то дала волю печальнымъ своимъ мыслямъ. Въ сію нещастную минуту свободы, стала она разсуждать о томъ, что происходило въ ея сердцѣ. Валеръ представлялся ей въ вображеніи со всѣми его достоинствами. Она вспомнила нѣжное оное согласіе, которое между ими утвердила пріятная привычка; и не могла о томъ подумать, чтобъ когда его уничтожить, не роптавъ на щастіе, которое благодѣяніемъ своимъ дѣлаетъ ея неблагополучнѣйшею въ свѣтѣ. Она была въ семъ печальномъ

чальномъ состоянiи, какъ Валеръ вошелъ къ ней въ спальню. Слезы и воздыханiя, отъ которыхъ она не могла при входѣ его, воздержаться, возмутили дражайшаго ея сродственника. Онъ въ смущенiи, спрашивалъ ея, отъ чего сiя печаль происходитъ? Намъ должно разлучиться, отвѣтствовала Лаура. Намъ разлучиться! перервалъ Валеръ рѣчь ея съ удивленiемъ, чему можетъ быть не зналъ еще причины. Ахъ! что вы мнѣ сказываете? То самое сказалъ мнѣ отецъ мой, отвѣтствовала Лаура: онъ отдаетъ меня за Октавiя. Какой ударъ меня поражаетъ! вскричалъ Валеръ. Какъ! я то навсегда теряю, чѣмъ судьбина наградила меня, чтобъ здѣлать жизнь мою прiятнѣе! По сихъ словахъ, оба они взирали другъ на друга съ молчанiемъ, которое выражалось живѣе, нежели краснорѣчiе, происходившее отъ страсти. Слезы ихъ и воздыханiя, одни были истолкователи ихъ склонности, которую они не могли опровергнуть. На конецъ Лаура перервала сiе молчанiе; надлежитъ уступить судьбинѣ, сказала она Валеру: я нахожусь въ волѣ

 отца

отца своего, и должна повиноваться его повелѣнію: щастіе не опредѣлило для меня больше, какъ только нѣсколько дней благополучныхъ: они ужѐ прошли, и остатокъ моея жизни не иначе будетъ для меня, какъ несносным огорченіемъ: я должна быть жертвою честолюбія Дона Генриха: сердце мое отъ сего трепещетъ; но надлежитъ повиноваться. Какъ вы щастливы, вскричалъ отчаянной Валеръ, что можете сносить сіе столь терпѣливо! Я вижу теперь, что не былъ никогда такъ любимъ вами, какъ вы мною. Изъ двухъ сердецъ, которыя соединены столь сильною привычкою, одно не въ состояніи терпѣть разлуки, другое легко сіе сносить можетъ. Ахъ! немилосердая Лаура, ты никогда меня не любила. Какъ ты несправедливъ, отвѣтствовала Лаура съ воздыханіемъ, естьли не вѣришъ моей печали, и считаешъ ея менѣе своей! Я должна употребить всю свою добродѣтель, чтобъ не обвинять столь жестокаго отца. Хотя должность моя и налагаетъ на меня сей законъ; но я признаюсь, что не могу со всѣмъ ему повиноваться, и

сердце

сердце мое чувствуетъ внутреннее отмщенiе за принужденiе, которое ему причиняютъ. Нѣтъ: Октавiй никогда не былъ мнѣ столь противенъ, какъ съ того времени, когда назначенъ быть моимъ мужемъ. Сiе отъ меня зависитъ, перервалъ Валеръ съ скоростiю рѣчь ея, избавить васъ отъ сей жертвы, которая стóитъ обоимъ намъ очень много; и я никогда терпѣть того не буду, чтобъ Октавiй владѣлъ тѣмъ сокровищемъ, которое .... При сихъ словахъ онъ остановился, и ревность начала̀ доказывать любовь его, которая до сего времени была скрыта подъ именемъ дружества и привычки. Я не знаю, продолжалъ онъ прерывающимся голосомъ, какiя ужасныя движенiя дѣйствуютъ теперь мною: я васъ всегда любилъ, прекрасная Лаура: но какъ я былъ отдаленъ отъ того, чтобъ знать, чѣмъ естество меня обязало! и въ первой еще разъ открылъ глаза̀ свои. Я никогда столь отваженъ не былъ, чтобъ желалъ владѣть вашимъ сердцемъ; но и того терпѣть не могу, чтобъ другой владѣлъ вами, слѣдовательно и Октавiй не можетъ отнять

васъ

васъ у меня, не прекратя моей жизни. Я пойду искать сего щастливаго соперника, и ярость моя . . . . О небо! куда идете вы, сказала съ трепетомъ Лаура, остановя его? Естьли вы не будете тронуты смертельнымъ страхомъ, которой я чувствую, видя васъ оставляющаго ту жизнь, отъ коей зависитъ моя: такъ по крайней мѣрѣ, будьте столько чувствительны, и не опорочте моей славы. Вообразите себѣ, какія худыя слѣдствія произойдутъ отъ вашего предпріятія, для того что на конецъ, Валеръ, кто того не скажетъ, что ты лишилъ жизни Октавія? Какъ я могу называть его твоимъ соперникомъ въ то время, когда хотятъ меня за него выдать? Всѣ не преминутъ обвинять меня за согласіе, коего невиннѣе никогда не бывало. Но что я говорю нещастное! оно уже не то съ сея минуты. Ваша тайна теперь открыта; я должна стараться убѣгать васъ, знавъ ваши склонности и желаніе, которое вы пришли объявить мнѣ; сіе размышленіе заставляетъ меня трепетать. Не презирайте сего нѣжнаго размышленія, сказалъ ей Валеръ, ставъ предъ ней

на

на колѣна. Кто бы столь былъ несправедливъ для васъ? Для чего хотите вы потушить въ сердцѣ своемъ тотъ пламень, которой говоритъ вамъ, вступаясь за страстнаго любовника? Свойство, причиняющее намъ препятствїе, не можетъ быть для насъ непреодолимымъ, и любовь наша, непротивная законамъ, будетъ нѣжна и постоянна. Одно щастїе противъ меня вооружилось, которое благосклонно стало моему сопернику: но можете ли вы себя вѣрить его непостоянству, видя всегда перемѣняющагося? И мы не для того созданы, чтобъ одинъ другаго приводили въ нещастїе. Но что хотите вы, чтобъ я здѣлала, отвѣчала съ нѣжностїю Лаура? Сердце мое великую имѣетъ склонность вѣрить вамъ, и предаетъ себя прїятной надеждѣ, которая вамъ льститъ. Я чувствую, что оно вашей стороны: но должна ли я противиться отцу своему? Что я говорю противиться! я теперь иду увѣрить его, что повинуюся сему приказанїю; и такъ можетъ быть обязана я уже весьма Дону Алонзу; я подвергну себя жестокому отмщенїю, естьли буду противиться.

Вы

Вы знаете, что отецЪ мой чрезвычайно меня любитЪ, и не захочетЪ, чтобЪ я потерявЪ щастїе, жертвовала одной моей кЪ вамЪ склонности. АхЪ! сколь много разсужденїя ваши о томЪ, чѣмЪ должны вы Дону Генриху, погружаютЪ меня вЪ ужасную тоску, отвѣтствовалЪ печальный ВалерЪ. Они воспоминаютЪ мнѣ всѣ одолженїя, которыя получилЪ я отЪ него, и укаряютЪ меня неблагодарностїю. КакЪ я нещастливЪ, продолжалЪ онЪ! надлежитЪ ли довести меня до такой крайности, чтобЪ обмануть мою честь и мою любовь? Но на конецЪ, прекрасная Лаура, продолжалЪ онЪ, не можемЪ ли мы найти какого средства вЪ семЪ ужасномЪ приключенїи? ДонЪ ГенрихЪ васЪ любитЪ; онЪ не знаетЪ того, какЪ дорого стоитЪ вамЪ еїе послушанїе, которое вы ему оказываете. АхЪ! могу ли я ему обЪявить, перервала Лаура рѣчь его, о тайной склонности, вЪ коей я не должна еще и признаться? НѣтЪ, отвѣтствовалЪ ВалерЪ, я не хочу привесть васЪ до того, чтобЪ вы столь безрассудно поступили: но вы можете изЪяснить ему, какое омерзѣнїе чувствуете кЪ Октавїю.

вїю. Можете и то прибавить, что вы сего не примѣчали до тѣхъ поръ, какъ вамъ данъ строгой приказъ разсматривать его такъ, какъ будущаго мужа, и что вы употребили вотще всѣ старанія, чтобъ себя принудить. Онъ не откажетъ вамъ дать сроку на нѣсколько мѣсяцовъ, чтобъ могли вы побѣдить себя въ то время. Довольно сего, любезная *Лаура*; какъ получишъ время: щастїе отца моего перемѣниться можетъ, и наше бѣдствїе по крайней мѣрѣ будетъ на нѣсколько отложено. Я съ охотою соглашаюсь на все, чего вы отъ меня требуете, сказала ему *Лаура*; но естьли мой отецъ будетъ неупросимъ: то надлежитъ повиноваться строгимъ законамъ, кои на насъ наложены. Валеръ хотѣлъ стать передъ ней на колѣна, чтобъ возблагодарить ей за обѣщанїе, которое она дала ему въ томъ, чтобы противиться желанїю отца своего, сколько благопристойность ей позволитъ. Но она его удержала, представя ему ту опасность, въ которой они находятся, естьли ихъ найдетъ кто въ семъ состоянїи; и принудила его итти вонъ изъ своей спальни.

Раз-

Разсужденія, которыя имѣли два любовника послѣ сего разговора, были наполнены печалію. Любовь, чтобъ лучше скрыть себя подъ именемъ дружества, дозволяла вкушать имъ спокойное веселіе, посреди склонностей, въ кои отдались они слѣпо. Но тогда казалось, что начинаетъ уже она платить имъ за тѣ увеселенія, которыми сперьва ихъ награждала, и оказывать строгости, коихъ они до сего времени, не чувствовали. Сіе было немалымъ безпокойствомъ Лаурѣ, что обѣщала держать слово своему любовнику, коего, не могла она противиться, чтобъ не называть симъ именемъ. Покорность, которою должна она своему отцу, и чего никогда не преступала, требовала отъ нея въ жертву сихъ нѣжнѣйшихъ склонностей.

Сія жертва казалась ей сверьхъ силъ ея; и она почитала себя нещастливѣйшею въ свѣтѣ. Когда Донъ Генрихъ принялъ непремѣнное намѣреніе принудить ея итти къ олтарю; Валеръ съ своей стороны, не въ состояніи былъ нимало тому противиться. Всѣ одолженія, которыя дѣлалъ ему дядя его; приказъ полу-

ченной

ченной имъ отъ отца своего, чтобъ быть ему такъ обязаннымъ, какъ тому, отъ кого имѣетъ жизнь; воображенїе лишиться Лауры; наводили ему страхъ, котораго онъ преодолѣть не могъ; словомъ, всѣ сїи разсужденїя соединились, для одной только жесточайшей его горести: но они всѣ изчезли въ самую ту минуту, когда вообразилъ онъ щастїе своего соперника. Лаура въ объятїяхъ другаго, была для него ужаснѣйшимъ предметомъ, и онъ не могъ помыслить о томъ безъ жестокаго отчаянїя. Однимъ словомъ, сїи два любовника вдались въ печальныя размышленїя. Чтожъ до Дона Генриха; какъ скоро онъ увидѣлъ благосклонное намѣренїе своей дочери, чтобъ ему повиноваться: то немедленно пошелъ онъ принесть сїю щастливую вѣсть Дону Алонзу, которой увѣдомилъ о томъ своего сына. Сей молодой любовникъ былъ такъ много обрадованъ, что пошелъ тотчасъ къ своей любезной невѣстѣ, чтобъ здѣлать ей должную благодарность за щастїе, которымъ онъ себя льстилъ, и коего, думалъ онъ, уже со всѣмъ достигъ. Но сколь велико было его удивле-

удивленіе, какъ нашелъ онъ Лауру смущенную при его входѣ! Сколь велика была печаль его, какъ стала она просить, обливишись слезами, чтобъ онъ не спѣшилъ бракомъ, которой лишаетъ ея всего, что любезно ей въ свѣтѣ! Вы не знаете, говорила она ему, сколь обязана дочь такому отцу, которой любитъ ея чрезвычайно, и ей столько же милъ. Оставте меня, чтобъ я по крайней мѣрѣ, хотя приготовила себя къ сей жестокой разлукѣ. Я прошу васъ для той любви, кою чувствуете вы къ своему отцу; и естьли сего не довольно: то осмѣливаюсь просить васъ для той нѣжности, которую вы ко мнѣ имѣете. Вы не можете здѣлать объ ней доказательствъ столь чувствительнѣйшихъ, и я приму вашъ отказъ за знакъ вашея холодности. Октавій имѣлъ изрядной случай представить ей, что примѣчаетъ онъ мало къ себѣ любви ея, для того что она хочетъ отмѣнить его щастіе. Но она требовала, чтобъ онъ согласился; и надлежало непремѣнно повиноваться сему строгому требованію.

Донъ Генрихъ не понималъ, отъ чего происходило то, что не старался Донъ Алонзо, дѣлать приуготовленія къ браку, котораго желалъ онъ съ великою нетерпѣливостію. На конецъ, нашелъ онъ способъ узнать, для чего сія отсрочка, и не могъ подумать безъ гнѣву, что дочь его была одна причиною сему медленію, которое можетъ подать случай къ отказу съ одной или другой стороны. Что значитъ твое намѣреніе, говорилъ онъ Лаурѣ? Ты отмѣняешъ свое и мое благополучіе! Щастіе хочетъ къ намъ быть благосклонно, а ты его убѣгаешъ! Что будемъ мы дѣлать, естьли Октавій и Алонзо, скуча твоимъ сопротивленіемъ, перемѣнятъ свои мысли, и отнимутъ то благополучіе, которое теперь они готовы тебѣ здѣлать? Послушаніе, коимъ я вамъ всегда должна, отвѣтствовала Лаура съ воздыханіемъ, не позволило мнѣ тогда противиться вашей волѣ, какъ я отъ васъ о семъ услышала: но печаль, которую я чувствую съ самой той нещастной минуты, принудила меня согласоваться съ моимъ сердцемъ. Я нашла его столь

отда-

отдаленнымъ отъ сего представленія, что не могла себѣ противиться, чтобъ не желать отсрочки. Естьли вамъ дочь ваша когданибудь была любезна, продолжала она, удвоивъ свои воздыханія: то не откажите ей въ той милости, которой она у васъ проситъ. Я тебя всегда любилъ, отвѣтствовалъ сурово Донъ Генрихъ; ты не заслужила тѣхъ стараній, которыя о тебѣ я имѣю. Но когда ты платишъ столь худо за мои милости: то время уже оказать мнѣ отеческую власть. Я даю тебѣ сроку три дни, чтобъ могла ты побѣдить свое упрямство, коимъ должность твоя велитъ мнѣ жертвовать. Но послѣ сего времени, естьли пребудешъ въ непослушаніи: то ожидай всѣхъ ужасныхъ знаковъ моего гнѣву.

Раздраженный Донъ Генрихъ не оставилъ такъ свою дочь, чтобъ не искать средства исполнить свое намѣреніе, отъ котораго зависило его щастіе; и боясь, чтобъ Донъ Алонзо не разсердился за медленіе, и не почелъ бы сего за отказъ, пошелъ къ нему, чтобъ увѣрить его о согласіи своей

дочери,

дочери, которую, говорилъ онъ, отеческая любовь побуждаетъ просить времени. Послѣ того, какъ привелъ онъ Алонза и самого Октавія въ такое состояніе, какъ хотѣлъ: то употребилъ онъ весь свой разумъ, чтобъ сыскать причину, отъ чего происходитъ сіе сопротивленіе, которое Лаура оказываетъ тому благополучію, что, кажется, превосходитъ ея надежду. Онъ и думать не хотѣлъ, чтобъ было то отъ дочерьней къ нему любви, которую Лаура показывала причиною своему упрямству. На конецъ, вспомнилъ онъ всѣ услуги, кои Валеръ ей дѣлалъ, и благодарность ею оказанную; и представилъ себѣ тѣ склонности, которыми они соединены одинъ съ другимъ. И такъ не сомнѣвался болѣе, чтобъ не было то главнымъ препятствіемъ тому, что онъ побѣдить старается. Сколь онъ раскаевался въ томъ, что имъ позволилъ, и что желалъ сего соединенія, которое зделало ему препятствіе въ истинномъ благополучіи! Щастіе воображенное его брата, чѣмъ онъ столь много себя льстилъ, привело его на конецъ въ опасность потерять настоящее, кото-

рое къ нему приходитъ само собою, и по всѣмъ доказательствамъ, болѣе уже не возвратится. Сїя опасность удвоила гнѣвъ его къ Лаурѣ. Но чтобъ иное могъ здѣлать безплодной его гнѣвъ, какъ только пустой шумъ, которой бы привелъ его дочь взять тѣ мѣры, чтобъ итти въ монастырь? Щастїе его не менѣе тѣмъ было бы потеряно. И какъ ничто ему не помогало, чтобъ его сохранить: то принялъ онъ намѣренїе употребить слѣдующую хитрость:

Онъ велѣлъ призвать Валера, которой со всѣмъ не приготовился говорить съ нимъ, и хотѣлъ итти къ Лаурѣ, чтобъ просить у нея совѣту, какъ отвѣтствовать Дону Генриху. Но боясь, чтобъ не подать подозрѣнїя своимъ приходомъ, которой будетъ безъ сомнѣнїя примѣченъ симъ недовѣривающимъ старикомъ, пошелъ къ нему прямо. Поди, любезный мой сынъ, сказалъ онъ ему при его входѣ; любовь моя не можетъ дать тебѣ другаго имени. Помоги мнѣ въ такомъ приключенїи, отъ котораго зависитъ щастїе или нещастїе оставшихся дней

моихъ.

моихъ. Вы безъ сомнѣнія слышали о благополучіи, которое представляютъ моей дочери. Она имѣетъ довольную къ вамъ повѣренность, чтобъ здѣлать васъ участникомъ своей тайны. Сія не та повѣренность, въ которой бы я осуждалъ ея; но имѣю еще и великую въ ней нужду для Лауры. Неблагодарная презирая всѣ знаки любви, которые она всегда отъ меня получала, не повинуется первому моему приказанію Ни ласки мои, ни угрозы не могутъ перемѣнить ея мыслей; и я отчаяваюсь видѣть ея возвращенною къ своей должности, естьли ужѐ любовь, которую она къ вамъ имѣетъ, мнѣ не поможетъ. Я не напоминаю вамъ, любезный мой Валеръ, тѣхъ стараній, которыя прилагалъ я въ вашемъ младенчествѣ. Сіи великія одолженія не могутъ никогда быть забвенными въ душѣ благородной; и я не сомнѣваюсь, чтобъ вы не употребили всей своей повѣренности, которую вамъ здѣлала долговременная привычка, къ приведенію Лауры въ согласіе итти, не откладывая болѣе, за Октавія.

Должно со всѣмъ не знать любви, естьли не чувствовать того смущенія,

которое сїи послѣднїя слова произвели въ Валеровомъ сердцѣ. Къ какой ужасной крайности могъ онъ быть приведенъ! Его обременили старанїемъ здѣлать щастїе своему сопернику. Онъ не могъ терпѣть, чтобъ отъ того не трепетать; и перемѣна лица его была столь велика, что не могла укрыться отъ прозорливости Дона Генриха, которой подозрѣвалъ его и прежде. Сей нещастной любовникъ скоро оправился отъ сего смущенїя, и началъ представлять своему дядѣ, что супружество есть важнѣйшее дѣло въ жизни, и не должно удивляться тому, что дочь его такъ легко не соглашается: развѣ время побѣдитъ ея; и что не можетъ онъ отказать ей въ отсрочкѣ, требуемой отъ нея, не измѣнивъ той нѣжности, которую она всегда къ нему имѣла. Сїя отсрочка, перервалъ Донъ Генрихъ, весьма опасна. Октавїй можетъ погасить ту любовь, которая должна здѣлать благополучїе мнѣ и моей дочери. И такъ не говорите вы мнѣ о семъ болѣе, и готовтесь дѣлать то, чего я отъ васъ требую. Я вамъ сказалъ, отвѣтствовалъ Валеръ, что дружба моя съ Лаурою, и самая справедли-

ведли-

ведливость мнѣ позволила. Но когда вы хотите, чтобъ я вамъ повиновался: то употреблю всѣ силы уговорить Лауру. Болѣе опасаюсь, продолжалъ онъ, худаго отвѣту на то, чего вы отъ меня ожидаете, и чтобъ не нашли вы болѣе сопротивленія, нежели предвидите, отъ того, что вы на меня налагаете, и что я не иначе принимаю, какъ съ огорченіемъ. Я знаю, сказалъ ему Донъ Генрихъ, что вы болѣе стороны моей дочери, нежели моей; и малая охота, которую, какъ я вижу, вы оказываете, подаетъ мнѣ знакъ худаго въ томъ успѣху. Ахъ! не думайте, перервалъ Валеръ, чтобъ я вамъ не хотѣлъ служить со всею возможностію: я бъ желалъ того чтобъ вы были сами свидѣтелемъ . . . . Я принимаю то предложеніе, которое вы мнѣ дѣлаете, отвѣтствовалъ старикъ; и буду присутствовать при вашемъ разговорѣ. Велите призвать дочь мою, продолжалъ онъ, взглянувъ на тогоже слугу, котораго посылалъ къ своему племяннику. Какъ? вы хотите быть при семъ печальномъ позорищѣ? вскричалъ Валеръ, будучи пораженъ какъ стрѣлою; и какъ хотите

 хотите

тите вы, чтобъ Лаура открыла мнѣ справедливую причину своего упрямства? можетъ ли она при васъ быть свободна? И естьли она въ какойнибудь слабости, то не думаете ли вы, чтобъ она въ ней призналась при глазахъ отца своего? Я скроюсь въ моемъ кабинетѣ, отвѣтствовалъ Донъ Генрихъ, въ тако мъ мѣстѣ, гдѣ можетъ всякъ глядѣть, не будучи самъ видимъ; и ничто мнѣ не помѣшаетъ узнать справедливую причину ея сопротивленія. Валеръ хотѣлъ-было отвѣтствовать Дону Генриху, о худомъ слѣдствіи сего жестокаго намѣренія: но Лаура вошла такъ скоро, что отецъ ея на силу могъ войти въ кабинетъ. Валеръ не находилъ себя никогда въ такомъ смущеніи, какъ въ то время; онъ не могъ взять ни той, ни другой стороны, которая бы не казалась ему опасною. Говорить Лаурѣ, въ пользу своего соперника? то быть противну той, кого любитъ. Естьли не повиноваться Дону Генриху: то долженъ будетъ потерять всю его любовь, и лишиться навсегда видѣть Лауру. Онъ не смѣлъ ей никакого знаку здѣлать, будучи увѣренъ, что

можетъ

можетъ быть подверженъ большему подозренїю, нежели Лаура. Не имѣлъ онъ для сихъ смущенныхъ мыслей инаго времени, какъ только то, когда поставилъ стулъ своей любовницѣ, и предпрїялъ исполнять свою должность передъ глазами Дона Генриха, желая въ отсутствїи его, послѣ передъ ней оправдаться.

Какое новое нещастїе, сказала Лаура вошедъ, заставляетъ васъ по меня посылать? не предпрїемлетъ ли отецъ мой вывесть меня изъ отчаянїя? осталось ли въ немъ нѣсколько отъ той любви, которая долгое время дѣлала меня благополучною? Отецъ вашъ, отвѣтствовалъ Валеръ, васъ всегда любитъ, и вы для того только нещастны, что дѣлаете сами себя нещастною. Нѣтъ, Лаура, продолжалъ онъ, никогда любовь его не имѣла такихъ доказательствъ, какъ въ повелѣнїи, которое онъ вамъ дѣлаетъ, чтобъ вытти за Октавїя. Что я слышу, отвѣтствовала Лаура въ изумленїи? Отецъ мой поражаетъ мою грудь; и вы говорите, что сей чувствительной знакъ любви его ко мнѣ? это вы,

 Валеръ,

Валеръ, совѣтуете мнѣ согласиться на жертву, о которой думала я, что она вамъ столь же чувствительна, какъ и мнѣ? Правда, перервалъ Валеръ, что я принимаю нѣсколько участія въ сей требуемой отъ васъ жертвѣ, для коей вы терзаетесь такъ несправедливо. Дружба моя къ вамъ дѣлаетъ меня ослѣпленнымъ, когда я вижу ваши слезы. Но справедливой разсудокъ, слѣдуя первымъ движеніямъ, не позволяетъ мнѣ васъ обманывать; и естьли вы хотя мало послушаете моего совѣта: то не будете ниодной минуты сомнѣваться въ послушаніи Дону Генриху. Вы мнѣ совѣтуете выттш за Октавія, сказала ему Лаура, будучи устрашенна тѣмъ, что онъ ей говорилъ? Я васъ заклинаю, отвѣтствовалъ Валеръ..... Довольно сего, сказала Лаура вспыльчиво; вашъ совѣтъ сего дни исполнится; я не могу лучше наказать себя за вашу неблагодарность, какъ скорымъ забытіемъ моей слабости. Что говорите вы о слабости отвѣтствовалъ Валеръ, испужавшись? развѣ почитали вы за любовь невинные знаки моей дружбы? Жестокой, перервала Лаура рѣчь его; я не хочу ничего

ничего болѣе слышать; и почитаю тебя за чудовище; не являйся никогда передъ глаза мои, и бойся того, что я раскажу отцу моему все то, какъ старался ты обольстить такое сердце, которое безъ тебя.... Она не имѣла силы болѣе говорить, [столь много гнѣвъ овладѣлъ ею!] и пошла, не давъ времени Валеру отвѣтствовать. Онъ былъ тогда такъ много огорченъ ея гнѣвомъ, что остался неподвижимъ. Въ самую ту минуту Донъ Генрихъ вышелъ оттуда, гдѣ былъ скрытъ, и нашедъ его въ толь печальномъ состоянїи, не сомнѣвался болѣе о любви его къ своей дочери, и что онъ такъ же любимъ ею. Онъ сего не далъ знать Валеру, страшась, чтобъ не испортить безразсуднымъ шумомъ того, что хитростью его начато столь щастливо; и обнялъ его, сказавъ ему, что видитъ, какимъ образомъ Лаура приняла невинныя доказательства его дружбы за знакъ любви; но она тѣмъ обманулась; и не трудно будетъ ей согласиться здѣлать щастливымъ Октавїя.

Донъ Генрихъ оставилъ Валера, увѣривъ его напередъ, что никогда

не забудетъ той услуги, которую онъ, ему здѣлалъ. Но не остался еще при томъ; и предвидя, что малой знакъ его примѣчанія, можетъ все разрушить, и здѣлать его вымыслы безполезными, предпріялъ новыя хитрости, кои бы утвердили успѣхъ первыхъ, и вотъ какое нашелъ онъ къ тому средство!

Лаура имѣла у себя служанку, отъ которой не скрывала ничего, что происходило въ ея сердцѣ. Она здѣлала ея участницею той любви, которую чувствовала къ Валеру, и пламени, коимъ онъ ей отвѣтствуетъ. Сія служанка называлась Инеса. Донъ Генрихъ принялъ намѣреніе подкупить ея на свою сторону: ему то не трудно было, для того что имѣла она сребролюбивую душу, такъ какъ свойственно людямъ ея состоянія. Хотя старикъ скупъ былъ не меньше ея; однако въ семъ случаѣ въ противность правиламъ скупыхъ, былъ столькожъ роскошенъ, какъ и въ молодости. Къ пристойному награжденію той услуги, которой онъ отъ нея ожидалъ, присовокупилъ еще страшныя угрозы,

естьли она его обманетъ. То, чѣмъ онъ кончилъ свой разговоръ, принудило ея слѣпо исполнять его волю.

ДонъГенрихъ далъ ей наставленіе, по которому она исправила такъ, какъ онъ желалъ въ то время, когда нещастная Лаура проливала передъ ней свои слезы. Инеса спрашивала о причинѣ ея печали, и безъ всякаго труда, могла открыть такое сердце, которое отъ нея не старалось скрыться. Она тотчасъ оказала удивленіе; но спустя нѣсколько минутъ, притворилась, будто вспомнила нѣкоторыя обстоятельства, о которыхъ она сказывала, что со всѣмъ ихъ забыла, будучи увѣрена о Валеровой искренности; но теперь, какъ слышно, было сіе весьма основательнѣе, нежели какъ она думала, и что безъ сомнѣнія Валеръ любитъ сестру Октавіеву. Нѣсколько взоровъ, продолжала она, съ одной и другой стороны, которымъ сама я была свидѣтельницею, изъявляютъ ихъ согласіе, и что конечно та новая любовь принуждаетъ Валера говорить въ пользу Октавія; а сему не возможно быть, чтобъ сталъ онъ столь благосклоненъ своему сопернику, кромѣ того, что побужденъ

былЪ такЪ поступать, для сего случая.

Лаура не могла слышать о Валеровой невѣрности, чтобЪ не чувствовать всего, что вообразить можно жесточайшаго. Смертельной хладЪ вступилЪ вЪ ея жилы; и она упала безЪ памяти, вЪ руки невѣрныя Инесы, которая чрезвычайно была симЪ тронута, для того что осталось вЪ ней нѣсколько отЪ той любви, кою имѣла она кЪ Лаурѣ. Но угрозы Дона Генриха истребили со всѣмЪ то, что чувствовала она при семЪ представленіи, и принудили сїе невѣрное сердце слѣдовать столь несправедливому и жестокому намѣренїю. КакЪ скоро Лаура пришла вЪ память: то невѣрная Инеса, когда ничего не могли здѣлать всѣ знаки ея печали; удвоила слезы и воздыханїя. Она проклинала всѣхЪ мущинЪ, а особливо Валера, котораго почитала она тѣмЪ виновнѣе, чѣмЪ онЪ любимЪ былЪ болѣе. Говорила ей, что печаль ея дѣлаетЪ ему великую честь, и что должно то не инымЪ чѣмЪ мстить, какЪ презрѣнїемЪ, итти немедленно за Октавїя, и тѣмЪ показать ему,

что

что сердце ея очень мало къ нему склонно было. Я вѣрю тебѣ, сказала ей Лаура; слава моя требуетъ того, что ты мнѣ совѣтуешь; я готова повиноваться отцу своему; то самое обѣщала я невѣрному, и конечно здержу мое слово. Я запретила навсегда ему меня видѣть; не пускай его болѣе ко мнѣ, любезная Инеса: онъ можетъ быть раскаявшись, бросится къ ногамъ моимъ; и естьли я поступлю столь слабо, что онъ приведетъ меня въ жалость своими слезами: то погружу себя въ такое нещастїе, которое не окончится иначе, какъ съ моею жизнїю. Довольно, что онъ былъ одинъ разъ непостояненъ, и заставилъ меня бояться того, что не отвратитъ онъ своего взору отъ перваго предмета, которой ему гораздо лучше меня показался. Я совсѣмъ не хочу сердца столь способнаго къ частымъ перемѣнамъ; я знаю мое; оно весьма много претерпѣть должно, естьли склонится къ перемѣнѣ. Нѣтъ, еще разъ повторяю, что не хочу видѣть Валера, и даю тебѣ приказъ не пускать его въ мои покои. Я конечно не измѣню вамъ, сударыня, отвѣт-

ствовала невѣрная Инеса; Валеръ уже другой стороны; онъ старается убѣгать васъ такъ же, какъ вы не хочете его видѣть; и вамъ не должно въ томъ сомнѣваться, что не допуститъ его новая любовница сей приказъ слышать. Изрядно то, сказала Лаура съ воздыханїемъ, что слѣдуетъ онъ своей судьбинѣ, а меня покидаетъ моей слѣдовать. Послѣ сихъ словъ, велѣла она Инесѣ одну себя оставить, чтобъ дать волю печальнымъ размышленїямъ. Чтожъ до Валера, то гнѣвъ, которой онъ примѣтилъ въ Лауриныхъ глазахъ, казался ему со всѣмъ несноснымъ. Онъ не могъ предосудить его: но и не менѣе находилъ жестокимъ. И хотя надѣялся онъ конечно его успокоить, какъ скоро можно будетъ говорить съ нею; однако чувствовалъ то, сколь прискорбно быть ненавидиму хотя на минуту, отъ той, кого любитъ. Сїе для меня благополучнѣе, говорилъ онъ, что Донъ Генрихъ не сомнѣвается о любви моей; и я могу видѣть его дочь, не будучи подозрѣваемъ. Онъ можетъ быть, запретилъ бы мнѣ то, естьлибы совершенно зналъ о тѣхъ выговорахъ,

которые

которые она мнѣ дѣлала столь справедливо, или лучше сказать, несправедливо. Но теперь будетъ онъ думать, что я хочу ея видѣть, для утвержденія только въ намѣреніи, кое вложилъ я въ ея мысли. Пойду оправдаться, и не допущу возрастать въ ней ненависти, которую я заслужилъ столь мало, и чему не иное что, какъ только одна любовь была началомъ.

Какъ скоро онъ въ томъ утвердилъ себя: то немедленно пошолъ въ покои къ Лаурѣ. Но сколь онъ удивился, какъ запретила ему Инеса входъ, именемъ его любовницы! Хотя онъ и сказывалъ ей, что имѣетъ великую нужду говорить съ нею, но ничто не помогло; и Валеръ возвратился въ ужасномъ отчаяніи, которое могло произойти отъ сего жестокаго приказанія. Лаурина суровость заставляла его думать, что она весьма увѣрена о его невѣрности; и по тому боялся онъ худыхъ слѣдствій сего нещастнаго увѣренія: ибо она грозила ему, что будетъ слѣдовать его совѣту. А какъ обыкновенно всякъ вымышляетъ болѣе къ смущенію себя въ нещастіи, коего боится: то способность, которую имѣетъ Лаура,

чтобъ

чтобъ вѣрить его перемѣнѣ и ненависти къ ней, принуждала его думать, что любовь ея была весьма слаба, и что она радуется, нашедъ случай принять то представленіе, которое льститъ ея честолюбію.

Сей страхъ, сколь ни худо былъ основанъ, подтвердился тѣмъ, что произошло послѣ сего вскорѣ. Донъ Генрихъ далъ пройти тремъ днямъ, кои онъ отсрочилъ своей дочери, для принятія послѣдняго намѣренія.

Естьлибы поспѣшилъ онъ въ томъ болѣе: тобы могъ здѣлать подозрѣніе въ легковѣрной Лаурѣ о хитростяхъ, которыя служили ему, для приведенія ихъ къ сему концу. Между тѣмъ время оставленное ей, не прошло безполезно. Невѣрная Инеса раздражала отчасу болѣе гнѣвъ въ Лаурѣ противъ Валера, объявляя ей о новыхъ приключеніяхъ, которыя, какъ сказывала она, въ любви его происходили. Она не преминула остеречся, чтобъ не сказать ей о томъ, какъ любовникъ хотѣлъ ея видѣть. На конецъ все происходило съ такою хитростію, что нещастная Лаура не сомнѣвалась болѣе

о Валеро-

о Валеровой невѣрности, разсуждая, что послѣдуетъ въ томъ своей славѣ, естьли здѣлаетъ послушанїе отцу своему, и страшась, чтобъ невѣрной любовникъ не торжествовалъ тайно надъ ея слабостїю, и не приписалъ бы сего отказу любви, кою еще сохраняетъ она послѣ его перемѣны.

Я побѣдила омерзѣнїе, которое имѣла къ Октавїю, сказала она Дону Генриху тогда, какъ сталъ онъ требовать у нея послѣдняго намѣренїя. Сїя жертва стоитъ мнѣ много; но я должна ею за милости отцу, которой всегда меня любилъ чрезвычайно: вы можете опредѣлить мою судьбу, по своей волѣ. Сколь ты обрадавала меня, любезная дочь, что согласилась на то, къ чему я не могъ тебя принудить, отвѣтствовалъ хитрой Донъ Генрихъ! Какую суровость ни употреблялъ я въ требованїи, чтобъ ты вышла за Октавїя; но чувствовалъ, что болѣе люблю тебя, нежели чтобъ принудить къ послѣднему намѣренїю; и признаюсь тебѣ въ томъ, что примѣчалъ я, сколь мало думаетъ Донъ Алонзо о семъ бракѣ, и что любовь

моя

моя къ тебѣ не дозволяла мнѣ тебя принудить. Донъ Алонзо не намѣренъ будучи со всѣмъ противиться моимъ предложеніямъ, кажется, ими еще и доволенъ. Онъ говорилъ мнѣ, что естьли не возможно соединить нашихъ двухъ домовъ бракомъ твоимъ съ Октавіемъ: то имѣетъ онъ другое къ тому средство стольже близкое. Какой бы тотъ былъ бракъ, которой онъ вамъ представлялъ, перерѣзала рѣчь его ревнивая Лаура? Онъ отдаетъ дочь свою за Валера, отвѣтствовалъ Донъ Генрихъ. Какое щастіе, продолжалъ онъ, въ двойномъ свойствѣ! и какъ братъ мой будетъ обрадованъ, когда услышитъ сію вѣсть! Ахъ! не соглашайтесь, сказала ему Лаура съ смущеніемъ, которое овладѣло ею Я не могу терпѣть, чтобъ Валеръ. . . . При сихъ словахъ, остановилась она; и какъ Донъ Генрихъ оказалъ удивленіе о сей рѣчи, и притворился, будто со всѣмъ того не понимаетъ: то Лаура, ставъ передъ нимъ на колѣна, объявила ему всю любовь, которою пылала къ Валеру, и какъ сей неблагодарной съ нѣжностію ей отвѣтствовалъ. Я не должна болѣе въ томъ

сумнѣ-

сумнѣваться, продолжала она, что для исполненія своего браку, говорилъ онъ мнѣ въ пользу Октавія. Я столько тѣмъ огорчилась, что опредѣлила тотчасъ слѣдовать его совѣту, которому еще не знаю справедливой причины; и на конецъ окончать то предпріяла. Но отмщеніе мое еще не совершенно, естьли сей невѣрной радоваться будетъ плодами своего злодѣйства, и я выду за Октавія съ тѣмъ, чтобъ Валеру никогда на сестрѣ его не жениться. Остерегайся, сказалъ ей Донъ Генрихъ, чтобъ не упоминать того ни Дону Алонзу, ни его сыну. Любовь твоя откроется въ отмщеніи; и ты должна оставить то, не давъ имъ знать о слабости, кою имѣла для неблагодарнаго, которой не заслужилъ твоей благосклонности. Я помогу тебѣ стараться отмстить ему, продолжалъ онъ; и скажу Дону Алонзу, чтобъ онъ не производилъ въ дѣйство Валерова брака, безъ позволенія отца его; и что надлежитъ дать время, чтобъ о томъ его увѣдомить. Такимъ образомъ бракъ сей, котораго ты боишся, будетъ отложенъ, и разсужденія наши не преминутъ его со всѣмъ уничтожить.

Донъ Генрихъ проговорилъ сіи слова съ такою ласкою, что Лаурина печаль нѣсколько была тѣмъ успокоена. Онъ оставилъ ея, чтобъ ускорить бракомъ, коего успѣхъ зависитъ отъ поспѣшенія, для того что Лаура можетъ перемѣнить свое мнѣніе, естьли будетъ имѣть время помыслить объ отмщеніи, котораго должна она быть первою жертвою. Валеръ можетъ побѣдить Инесину осторожность, и увѣдомить Лауру о томъ, что произвело въ ней легкомысленность.

Донъ Алонзо, и его сынъ, были чрезмѣрно обрадованы тою новизною, которую имъ сказалъ Донъ Генрихъ. Влюбленной Октавій побѣжалъ тотчасъ къ Лаурѣ; она приняла его гораздо лучше, нежели онъ надѣялся. День свадьбы назначенъ былъ; пріуготовленія дѣлались съ возможною прилѣжностію; и Валеръ услышалъ съ великимъ отчаяніемъ, что сіе торжество долженствовало быть, спустя три дни. Онъ препроводилъ бо́льшую половину того времени въ исканіи средства видѣть Лауру, чтобъ оправдаться, или умереть у ногъ ея. Но Донъ Генрихъ

отдалъ

отдалъ о томъ столь строгой приказъ, что со всѣмъ не возможно ему было ея увидѣть. Послѣднее его предпрїятїе было итти со шпагой противъ своего соперника, и его умертвить, или самому умереть отъ рукъ его. Но то, чѣмъ онъ долженъ былъ Дону Генриху, и самой Лаурѣ, которой изъ брака сего слѣдовало благополучїе, и мнѣнїе, что можетъ быть соглашается она на то охотно, къ чему прежде была принуждаема; словомъ, всѣ сїи разсужденїя успокоили первыя дѣйствїя его свирѣпости, и привели его въ намѣренїе принести одного себя на жертву.

Валеръ, будучи въ сихъ обстоятельствахъ, нашелъ одного изъ лучшихъ своихъ друзей, которой назывался Ансельмъ. Онъ открылъ ему свое сердце, и сказалъ, что оставляетъ навсегда сей городъ. Ансельмъ препятствовалъ долгое время намѣренїю, кое было столь противно благополучїю его друга: но не могъ побѣдить его. Онъ сказалъ ему твердымъ голосомъ, что не оставитъ того, и что положится въ томъ на щастїе.

Валеръ и дѣйствительно хотѣлъ остаться въ семъ намѣреніи: но послѣ великихъ увѣщаній, принужденъ былъ согласиться. Они уговорились, чтобъ Валеру дождаться Анселма въ Кордуѣ, гдѣ сей вѣрной другъ имѣлъ сродственниковъ, и чтобъ ему тотъ же день отнести письмо отъ Валера къ Лаурѣ.

Валеръ не успѣлъ еще отъѣхать, какъ великодушной Анселмъ пошелъ къ Лаурѣ, подъ тѣмъ видомъ, будто хочетъ ея поздравить съ столь благополучнымъ бракомъ, которой долженствовалъ быть торженствованъ назавтра со всѣмъ великолѣпіемъ, приличнымъ чину Дону Алонза, которой имѣлъ онъ въ Авилѣ. Лаура не могла видѣть Анселма, чтобъ не вспомнить Валера, съ коимъ она соединена была столь близко. Послѣ первыхъ учтивостей, въ которыхъ Анселмъ не упоминалъ ничего о Валерѣ, чтобъ не быть подозрительнымъ, Лаура подошла къ дамамъ, коихъ тоже намѣреніе привлекло къ ней. Но видя, что Анселмъ нейдетъ отъ нея, подумала, что хочетъ онъ говоритъ съ нею въ пользу своего друга, и проситъ ея, чтобъ

не

не противилась его браку съ дочерью Дона Алонза. Сія мысль поражала ея: она старалась убѣгать разговору съ Анселмомъ, которой не хотѣлъ съ нею расстаться, не отдавъ ей письма отъ Валера. На конецъ подошелъ онъ къ ней. Вы бѣгаете отъ меня, говорилъ онъ ей весьма тихо; между тѣмъ я имѣю нѣчто сказать вамъ, отъ чего зависитъ щастіе ваше и отчаяннаго Валера. Минуты намъ дороги, продолжалъ онъ; никто насъ не примѣчаетъ; возмите сіе письмо; а завтра я приду сюда узнать то дѣйствіе, которое произведетъ оно въ вашемъ сердцѣ. По сихъ словахъ, отдалъ онъ ей письмо, и пошелъ отъ нея.

Первыя движенія въ Лаурѣ были тѣ, чтобъ отказать въ принятіи письма отъ Валера. Но то, что Анселмъ сказалъ ей, отдавая письмо, утвердило ея въ томъ, чтобъ его принять. Она препроводила остатокъ дня, будучи столь отягченна смущеніемъ, что на силу могла скрыть его. А какъ сіи нестерпимые ею гости отъ нея пошли: то затворилась она въ свой кабинетъ, и приказала, чтобъ никого

къ

къ себѣ не пускали. Она лишь только осталась одна: то и развернула съ поспѣшностїю письмо Валерово, которое содержало вЪсебѣ слѣдующее:

Я отѣзжаю, жестокая Лаура, и удаляюсь навсегда, чтобъ свободить васъ ненавистнаго вамъ предмета. Я избавилъ бы васъ отъ безполезныхъ моихъ жалобъ, естьлибъ сердце мое могло согласиться съ вашимъ щастїемъ, на счетъ моея невинности. Ужасное наказанїе быть невидимому: но ужаснѣе еще и того, почитаему быть достойнымъ ненависти! Я знаю, что долженъ я приписывать самому себѣ свое злополучїе. Я вамъ далъ сей нещастной совѣтъ, которому вы слѣдовали весьма скоро. Вы остаетесь въ объятїяхъ моего соперника. Но я надѣюсь, что будете тронуты жалостїю, естьли узнаете, что отецъ вашъ присутствовалъ при нашемъ разговорѣ. Онъ приказалъ мнѣ разговаривать съ вами въ пользу Октавїя, и примѣчалъ всѣ мои взоры. Я льстилъ себя, что оправдаюсь предъ вами тотъ же день;

но

но вы отказали мнѣ и въ послѣднемъ утѣшеніи, которое одно для меня и осталось. Инеса была тогда не упросима. Я ожидаю послѣдней минуты; и конечно бы не назначилъ сего отъѣзду, естьли бы не хотѣлъ избавить себя того ужаса, чтобъ видѣть васъ въ объятіяхъ другаго. Не знаю, долженъ ли я того желать, чтобъ вы обо мнѣ жалѣли. Ваше щастіе своего мнѣ дороже. Довольно для меня того, ежели вы перестанете почитать меня виновнымъ. И одна сія надежда дѣлаетъ мнѣ смерть мою пріятнѣе, коей намѣренъ я искать въ отдаленіи отъ васъ. Какое благополучіе! естьли небо приметъ въ жертву вѣрнаго и нещастнѣйшаго Валера.

Лаура не могла читать сего письма безъ повторенія: слёзы ея, которыя проливались изобильно, казалось, что отнимали у нея нѣкоторую часть жалобъ ея на злополучіе, орошая строки, въ коихъ чувствительнѣе изображена была справедливость ея любовника. Что я дѣлаю, говорила она, проливая слёзы? Я теряю Валера: я теряю сама себя. Не милосердой отецъ, невѣрная Инеса, въ какую бездну нещастій

 стій

стїй вы меня погружаете! Какъ! завтра должна я итти за Октавїя! Нѣтъ! смерть моя ускоритъ сїи нещастныя узы. Жестокая печаль! для чего ты допустила меня жить до сей нещастной минуты? Она проговорила сїи послѣднїя слова съ такою досадою, что здѣлался по томъ обморокъ, отъ котораго долго не могла свободиться. По щастїю своему, не велѣла она никому входить въ свой кабинетъ, не выключая и Инесы; для того что естьлибы сїя невѣрная нашла ея въ семъ состоянїи: то увидѣла бы Валерово письмо, которое она уронила изъ рукъ, будучи въ обморокѣ. На конецъ, открыла она глаза; подняла тотчасъ письмо, старалась его скрыть, и призвала Инесу, которая нашедъ ея въ ужасномъ смущенїи, спрашивала тому причины. Нѣтъ ничего, сказала она ей: я не много обезпокоилась; но думаю, чрезъ нѣсколько часовъ отъ того свобожуся. Она ничего съ нею болѣе не говорила, и приказала сказать отцу своему, что легла спать, а между тѣмъ никого пускать къ себѣ не велѣла. Сей приказъ былъ исполненъ. Она препроводила всю ночь безъ всякаго помѣшательства. Но душевное безпокойство,

про-

произведенное чрезвычайнымъ ея нещастїемъ, было столь сильно, что слѣдовала тому лихорадка, которая приводила жизнь ея въ опасность. Сколь велика была печаль Дона Генриха, какъ свѣдалъ онъ, что дочь его находится въ толь жалкомъ состоянїи! Онъ винилъ себя втайнѣ, что отнималъ ея у Валера, о которомъ думалъ, что она еще его любитъ, принуждая себя къ требуемой отъ нея невѣрности; и не могъ удержать слезъ своихъ, видя нещастїе, которому былъ причиною. Лаурино почтенїе къ отцу своему, не препятствовало ей чувствовать въ себѣ смятенїя при входѣ его, отъ котораго не въ состоянїи была воздержаться. Она старалась скоро скрыть его, и показать себя достойною дочерью столь хитраго отца, принявъ намѣренїе обмануть его съ своей стороны, такимъ же притворствомъ, какимъ далъ онъ ей столь жестокое наставленїе. Она опредѣлила, чтобъ никогда не говорить о Валеровомъ имени, и тѣмъ заставить его думать, что вышелъ онъ изъ ея памяти такъ же, какъ и изъ сердца. Донъ Генрихъ былъ тѣмъ совершенно обманутъ. Онъ не имѣлъ болѣе страху съ сей стороны, и

началъ вѣрить, что болѣзнь его дочери происходитъ отъ другой причины, а не отъ той, которую онъ подозрѣвалъ. Лаура не хотѣла отнять у отца своего тѣхъ мыслей, кои имѣлъ онъ о ея болѣзни. Она такъ оказывала себя Октавію, что лихорадка ея была столь же не стерпима ей, какъ и ему, для того что она бракъ ихъ откладываетъ. Между тѣмъ съ своей стороны, желала она скорѣе выздоровѣть, чтобъ разсмотрѣть съ Ансельмомъ то предпріятіе, которое любовь ей вдохнула. Мысли ея не были еще приведены въ порядокъ, какъ жестокость болѣзни уменьшилась, и искусство Докторовъ, соединяся съ натурою, скоро здѣлало то, что она въ состояніи была вставать съ постели, и принимать тѣхъ гостей, которые брали участіе въ ея здоровьѣ. Ансельмъ не послѣдней былъ изъ тѣхъ, кои къ ней приходили. Она глядѣла на него съ такимъ видомъ, чтобъ увѣдомить его, какое дѣйствіе произвело въ ней письмо Валерово. Послѣ выѣзду нѣсколькихъ дамъ, которыя были у нея тогда, какъ Ансельмъ къ ней пришелъ, просила она его, чтобъ подалъ онъ ей руку, и пошелъ бы съ нею въ садъ прогуляться.

ся. Ансельмъ, говорила она ему, я всѣхъ нещастнѣе на свѣтѣ: но со всѣмъ тѣмъ, не лишилась еще всея надежды. И естьли ты такой же вѣрной другъ, какъ я нѣжная любовница: то помогите мнѣ въ намѣренïи, которое я взяла, чтобъ не быть ничьею, когда не могу быть Валеровою. Вы видите, какъ онъ оправданъ въ моихъ мысляхъ, и возвращенъ въ мое сердце. Смерть страшитъ меня меньше, нежели жертва, которую жестокой отецъ отъ меня требуетъ. Обманъ произведенной имъ, даетъ мнѣ полную власть освободиться отъ покорности, коею я должна ему. Я заплатила бы весьма дорого за жизнь, которую отъ него получила, естьлибъ должна была подвергнуть себя тому мученïю, какое онъ мнѣ прïуготовляетъ. Монастырь есть послѣднее мое убѣжище; и я останусь навсегда тамъ, естьли войду въ него. Но, великодушный Ансельмъ, ваша помочь мнѣ непремѣнно надобна, чтобъ удалиться отъ дому отца моего. Я хочу такъ же выти изъ Авилы: хочу ѣхать въ Кордуу: тамъ увижу Валера въ послѣдней уже разъ, и пойду въ монастырь, въ ожиданïи того, что опредѣлитъ

 небо,

небо, его и моей судьбинѣ. Я повторяю вамъ еще разъ, что отъ тебя зависитъ сыскать мнѣ способъ къ побѣгу. Ансельмъ былъ весьма радъ, слыша столь полезное предпріятіе для своего друга. Подумавъ нѣсколько о средствахъ, которыя долженъ былъ взять, вспомнилъ онъ, что надзиратель того саду, гдѣ они гуляли, былъ слуга отца его; и увидя, что къ Лауринымъ окнамъ можно приставить лѣсницу, по которой весьма способно сойти, увѣдомилъ ея, что тутъ дожидаться будетъ, чтобъ принять ея, и обѣщалъ дать ей знакъ черезъ того надзирателя, котораго намѣренъ былъ подкупить на свою сторону. Между тѣмъ, какъ Ансельмъ учреждалъ все то, что могло извлечь нещастную дочь Дона Генриха изъ жестокой судьбины, которая ей грозила, не одинъ онъ принялъ намѣреніе увести ея. Любовь произвела тоже предпріятіе и въ другомъ, какое дружба ему вдохнула. Одинъ изъ соперниковъ Валера и Октавія, который назывался Фернандомъ: [объ немъ ничего еще здѣсь не сказано, для того что малая надежда въ разсужденіи Октавія, который былъ гораздо богатѣе,

при-

принудила его скрывать ту любовь, отъ коей не ожидалъ онъ успѣху.] сей Фернандъ былъ по природѣ смѣлъ и отваженъ. Онъ принялъ уже намѣреніе увести Лауру въ тотъ самой день, когда Валерово письмо привело ея въ печальное состояніе; и медлилъ произведеніемъ того до тѣхъ поръ, пока она свободится отъ болѣзни. Но случай здѣлалъ то, что происходило сіе въ ту самую ночь, въ которую предпріялъ Ансельмъ увести ея. Учрежденіе послѣдняго было совершенно исполнено; и надзиратель уговорился служить сыну прежняго своего господина. Лаура была о семъ уже увѣдомлена. Она имѣла стараніе удалить отъ себя Инесу, подъ такимъ видомъ, какой любовь ей вложила; и не было еще двухъ часовъ, какъ ушла она изъ дому отца своего, подъ предводительствомъ вѣрнаго Ансельма. Фернандъ, переодѣтой въ садовничье платье, въ провожаніи трехъ человѣкъ вооруженныхъ и въ маскахъ, такъ же какъ и самъ онъ, стали стучаться у воротъ надзирателевыхъ. Сей человѣкъ не зналъ совсѣмъ, кто его зоветъ. Они старались обмануть его подъ именемъ сосѣда, которой будто имѣетъ ну-

жду въ его помощи. Лишъ только отворилъ онъ имъ ворота; то и окружили его четыре человѣка въ маскахъ, кои грозили убить его, естьли хоть малой шумъ здѣлаетъ. Они требовали отъ него, чтобъ проводить ихъ къ Лауринымъ покоямъ. Надзиратель принявъ ихъ за Ансельмовыхъ служителей, сказалъ имъ, что господинъ ихъ уже уѣхалъ съ Лаурою, и что они могутъ еще ихъ догнать по дорогѣ Кордуйской. Фернандъ почитая то надзирателевой выдумкой, чтобъ воспрепятствовать имъ въ ихъ намѣренiи: приказалъ двумъ изъ своихъ провожатыхъ стеречь его, и пошелъ съ третьимъ по лѣсницѣ на балконъ къ Лаурѣ. Инеса, ложилась спать въ кабинетѣ того апартамента, и только лишъ туда вошла, исправя нѣкоторыя приказанiя госпожи своей въ отдаленныхъ покояхъ: то и подняла великой крикъ, увидя двухъ человѣкъ на балконѣ. Всѣ служители Дона Генриха проснулись отъ того крику, и слѣдовали туда за своимъ господиномъ, чтобъ переловить ночныхъ воровъ: но Фернандъ, не нашедъ нигдѣ Лауры, почелъ то за дѣйствительную правду, что Ансельмъ предупредилъ его. Онъ

спасался

спасался побѣгомъ съ своими провожатыми, и погнался за Лауриными похитителями по дорогѣ Кордуйской, слѣдуя тому извѣстїю, которое получилъ онъ отъ надзирателя.

Сколь великъ былъ гнѣвъ Дона Генриха, послѣ того какъ не нашелъ онъ своей дочери въ ея покояхъ! Онъ не сомнѣвался, чтобъ то не былъ Валеръ, которой ея увезъ. Надзиратель остерегаясь, чтобъ не объявить Ансельма; принялъ намѣренїе сказать ему, что четыре человѣка въ маскахъ, входили къ ней посредствомъ обмана, и принудили его молчать, угрожая смертїю.

Лишъ только насталъ день, то Донъ Генрихъ пошелъ немедленно къ Дону Алонзу объявить свое нещастїе. Отецъ Октавїевъ обѣщалъ ему не пропустить ничего, что надлежитъ до общаго ихъ отмщенїя; и какъ онъ былъ весьма знатенъ въ Авилѣ: то вся Коррежидорская команда послана была за ними въ погоню. Донъ Генрихъ поѣхалъ самъ, не смотря на старость: гнѣвъ его прибавилъ ему силы; и влюбленной Октавїй слѣдовалъ за нимъ, будучи препровождаемъ отчаянїемъ. При выходѣ изъ городскихъ воротъ, увѣдомили ихъ о дорогѣ, по которой

поѣхали тѣ, за коими они гнались. Тому уже десять часовъ прошло; и такъ они по видимому, не могли болѣе отъѣхать, какъ половину Кордуйской дороги.

Чтожъ касается до Валера, то не зналъ онъ того, что любовь съ нимъ дѣлала. Отягченъ будучи печалїю въ Кордуѣ, ждалъ онъ съ нетерпѣливостїю возвращенїя Анселъма, и удивлялся его медленности; въ ожиданїи того, ходилъ онъ всякой вечеръ по Кордуйской дорогѣ изъ Авилы. Однимъ днемъ дошедъ до половины дороги, услышалъ шпажной стукъ въ лѣсу, которой былъ въ сторонѣ той дороги. Природное его великодушїе не позволило ему сомнѣваться ни минуты, итти ли на помочь къ тому, кто имѣетъ въ томъ нужду. Онъ пошелъ прямо къ сему мѣсту, гдѣ слышанъ былъ стукъ. Но сколь велико было его удивленїе, когда увидѣлъ онъ трехъ человѣкъ въ маскахъ, нападшихъ на одного, которой не имѣлъ ея, и въ немъ узналъ любезнаго своего Анселъма! Злодѣи, вскричалъ онъ, схватя шпагу, и бросясь на нихъ, примите достойную казнь своея злобы! Трое убїйцъ, которымъ Анселъмъ про-

продавая весьма дорого кровь свою ими пролитую, не могли долго стоять против Валерова гнѣва. Онъ повергъ двухъ къ ногамъ своимъ, а третей искалъ спасенія въ побѣгѣ. Ансельмъ былъ смотрителемъ только сего сраженія; столь слабъ сталъ отъ истекшей изъ него крови! Онъ обнялъ своего друга, и глядя на него умирающими глазами, говорилъ ему слабымъ голосомъ: Валеръ! бѣги на помощь къ Лаурѣ: похитители ея не далеко отсюда; я васъ подожду здѣсь. Валеръ тронутый любовію и дружбою, сомнѣвался нѣсколько времени, что начать; остаться ли при Ансельмѣ, или итти на помощь къ Лаурѣ? Но другъ его увѣрилъ, что рана была легка, и что слабость его происходитъ болѣе отъ истекшей крови, нежели отъ раны. И такъ Валеръ сѣдши на лошадь, поѣхалъ прямо въ тотъ лѣсъ, которой ему Ансельмъ указывалъ. Онъ не долго искалъ похитителя. Сей злодѣй не сомнѣваясь о томъ, чтобъ провожатые его не убили Ансельма, ожидалъ ихъ въ лѣсу, гдѣ нещастная Лаура осыпала его ругательствами. Крикъ отчаянныя сея любовницы, привлекъ великодушнаго ея защитителя.

Фернандъ какъ скоро увидѣлъ его, то и узналъ, что побѣда не столь будетъ ему легка, какъ онъ воображалъ въ себѣ. Онъ имѣлъ время схватить свою шпагу, и подошелъ къ Валеру съ великою неустрашимостію, какъ такой человѣкъ, которой ничего болѣе не боится, и почитаетъ смерть меньше ужасною, нежели лишиться того, что ему любезно. Онъ тѣмъ льстилъ себя, что провожатые его, коихъ не зналъ судьбины, придутъ къ нему на помощь. Сраженіе было сомнительно. Валеръ уставъ отъ перваго, и нашедъ не утомленнаго непріятеля, заставлялъ часто трепетать Лауру о жизни своего любовника. Но небо защищая справедливость, зделало на конецъ побѣду въ ея пользу, и яростной Фернандъ бросился къ нему съ такимъ стремленіемъ, что набѣжалъ самъ на смерть, которую заслужилъ довольно. Валеръ видя его упадша, былъ столь великодушенъ, что искалъ средства помочь ему, естьлибъ было время. Но нашедъ его ужѐ мертваго, обратилъ всѣ старанія о своемъ другѣ. Онъ увѣдомилъ Лауру, въ какомъ состояніи его оставилъ: посадилъ ея на лошадь, и не давъ времени

мени благодарить себя, поехалъ туда, гдѣ былъ Анселъмъ. Но сколь велика была ему печаль, какъ не нашелъ его тамъ! Онъ думалъ, что третей убiйца, которой спасся бѣгомъ, видя упадшихъ двухъ своихъ товарищей, опять возвратясь, пользовался слабостiю его друга. Какъ много умѣрена была радость, которую чувствовалъ онъ, увидя свою любезную Лауру, симъ печальнымъ приключенiемъ! Онъ наполнилъ воздухъ жалобами, которыя Лаура удвоила своими: но тѣмъ не окончалися еще ихъ нещастiя. Они услышали превеликой лошадиной топотъ близъ того мѣста. Валеръ сѣлъ поспѣшно на свою лошадь, чтобъ избавиться отъ нападенiя въ томъ мѣстѣ, гдѣ все было подозрительно. Но сколь великъ былъ его ужасъ, какъ увидѣлъ онъ Дона Генриха предъ собою, въ провожанiи многихъ кавалеровъ, въ которыхъ былъ одинъ изъ ненавистнѣйшихъ его соперниковъ. Число его непрiятелей не препятствовало бы защищать ему до последняго издыханiя то сокровище, которое у него хотѣли похитить: но почтенiе наблюдаемое имъ всегда къ своему дядѣ, коего имѣлъ онъ долгое время вмѣсто отца, принудило его отдать

оружіе. Вотъ дочь ваша, говорилъ онъ: не противъ васъ нещастной Валеръ защищать ея долженъ. Я хочу сразиться съ Октавіемъ, такъ какъ теперь сражался съ Фернандомъ, которой хотѣлъ испытать то, какъ можетъ рука моя наказать тѣхъ, кои дѣлаютъ принужденіе несклоннымъ сердцамъ; и вы должны сами страшиться, чтобъ небо не наказало наконецъ за то, что вы дѣлаете своей крови. Донъ Генрихъ, раздраженной справедливыми укоризнами Валера, окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ; и кидалъ свой взоръ съ яростію, на трепещущую Лауру: онъ говорилъ ей, чтобъ страшилась она отца, которой имѣетъ для нея, одно только имя.

Сіи нещастные любовники провождаемы были въ Кордуу, не имѣя времени утѣшать другъ друга въ злополучіи. Имъ не давали и того последняго утѣшенія, чтобъ говорить глазами; однимъ словомъ, ихъ разлучили. Октавій принялъ намѣреніе проводить своего соперника со множествомъ вооруженныхъ, а Донъ Генрихъ дочь свою, съ нѣсколькими изъ своихъ служителей, которые за нимъ слѣдовали. Лишь только онъ пришелъ

въ

въ Кордуу: то велѣлъ заключить Валера въ тѣсную тюрьму, а Лауру въ монастырь, съ такимъ приказанїемъ, чтобъ никого не допускать говорить съ нею, безъ своего повелѣнїя.

Намѣренїе Дона Генриха не было, чтобъ лишить жизни своего племянника: но онъ не оставилъ того, чтобъ не просить на него въ судѣ, такъ какъ на обманщика и похитителя дочери, надѣясь, что Лаура согласится сохранить жизнь своего любовника чрезъ жертву не столь для нея жестокую. Судъ скоро кончился. Лаура найдена была въ рукахъ Валера. Онъ имѣлъ то изрядное доказательство къ своему оправданїю, что отнялъ ея у Фернанда, и лишилъ его жизни, въ наказанїе за его дерзость; но сїе служило не къ иному чему, какъ только къ бóльшему обвиненїю. Сродственники Фернандовы соединясь просить въ судѣ, требовали въ отмщенїе его смерти. Донъ Генрихъ, сколь раздраженъ ни былъ противъ Валера, но со всѣмъ тѣмъ признался совѣстно, что поступилъ весьма строго, будучи уже не въ состоянїи остановить нещастную судьбу своего племянника.

При-

Приговоръ о смерти былъ уже опредѣленъ : слухъ дошелъ до Лауры. Она произносила жалобы, которыя могли тронуть и варварское сердце. Но въ самое то время всѣ обстоятельства перемѣнились прибытіемъ Ансельмовымъ.

Сей великодушной другъ потерялъ чувства въ ту минуту, какъ Валеръ оставилъ его, чтобъ бѣжать за Лауринымъ похитетелемъ. Пастухи нашедъ его въ такомъ состояніи, въ которомъ требовалась скорая помочь, отнесли его въ свой шалашъ, гдѣ такимъже чуднымъ приключеніемъ, одинъ изъ трехъ убійцъ, которой спасшись отъ Валеровой ярости, принужденъ былъ остаться нѣсколько дней, чтобъ заживить раны, кои получилъ онъ въ сраженіи. Ансельмъ ослабѣвъ болѣе отъ истекшей крови, нежели отъ опасности его раны, не могъ прежде, какъ черезъ три дни, встать. Но увѣдомясь отъ сихъ услужливыхъ пастуховъ, что прилагали они такоеже стараніе къ одному кавалеру, котораго ему описали, не сомнѣвался, чтобъ то не былъ одинъ изъ тѣхъ, кои на него напали, и будучи увѣренъ дѣйствительно о всемъ томъ отъ самого

го

го раненаго, которой его не узналъ, пошелъ искать караульныхъ, чтобъ проводили его въ Кордуу, гдѣ хотѣлъ отдать его правосудію. Онъ пришелъ къ спати для своего друга, которой названъ былъ отъ всѣхъ убійцею Фернандовымъ, и не могъ ничѣмъ доказать, что онъ убилъ его какъ Лаурина похитителя. Съ другой стороны увѣряли, что самъ онъ былъ похититель, и что Фернандъ убитъ былъ отъ него, захотѣвъ ей помо́чь. Новой невольникъ перемѣнилъ всѣ обстоятельства. Друзья Анссльмовы требовали, чтобъ пригесть его въ допросъ; они были такъ же сильны въ Кордуѣ, чтобъ равняться въ требованіяхъ съ Фернандовыми сродственниками. Виноватой принужденъ былъ насильно объявить имъ о всемъ, что происходило: Валеръ былъ почтенъ не виннымъ: но Ансельмъ нашелся одинъ похититель, противъ котораго Донъ Генрихъ и Октавій обратили всю свою ярость.

Сколь великую силу ни имѣлъ тогда Ансельмъ: но всѣ доказательства были противъ его. Лаура свидѣтельствовала, что она только слѣдовала за нимъ, и что онъ былъ тѣмъ не менѣе беспокоенъ, что увезъ дочь изъ

дому

дому отца ея. Вина была достойна смерти: приговоръ здѣлали противъ его, и оной былъ окончанъ: его посадили въ туже тюрьму, изъ которой свободилъ онъ своего друга, и велѣли ожидать за него же смертной казни.

Что было дѣлать Валеру іѣ семъ послѣднемъ ударѣ, коимъ отмщалъ ему Донъ Генрихъ? Время было весьма дорого, чтобъ терять его на безполезныя жалобы. Онъ пошелъ немедленно броситься къ ногамъ сего немилосердаго дяди, и съ слезами просилъ о жизни своего друга, которыябъ могли тронуть и жесточайшее сердце. Но Донъ Генрихъ былъ не упросимъ, и не теряя окончанія своего намѣренія, не обѣщалъ онъ сей милости Анселму, какъ только съ тѣмъ договоромъ, чтобъ Лаура вышла за Октавія. Сколь велика была печаль для любовника столь нѣжнаго, которой былъ такъ же великодушной другъ! Между тѣмъ, какъ отягчена ни была его любовь опредѣленіемъ, которое ему дядя предложилъ: но онъ не сомнѣвался о томъ, чтобъ слѣдовать. Бо́льшее затрудненіе было ему уговаривать къ тому свою любовницу; и какъ ниодинъ человѣкъ не могъ лучше того здѣлать,

какъ

какъ онъ: то Донъ Генрихъ позволилъ ему съ нею видѣться, взявъ нужныя мѣры къ другому свиданїю, котораго онъ со всѣмъ не боялся, имѣвъ залогъ столь дорогой Валеру и Лаурѣ, каковъ былъ Ансельмъ. Лаура не была уже въ монастырѣ, куда Донъ Генрихъ такъ скоро ея отправилъ. Онъ увѣдомился, что Игуменья была сродственница Ансельмова: сїе принудило его перемѣнить ей тюрьму; и для большей безопасности, имѣлъ онъ домъ въ деревнѣ, куда дочь свою перевезъ съ многими провожатыми, гдѣ она препровождала сїи печальные дни подъ смотренїемъ служителей Дона Генриха, и невѣрной Инесы, отъ которой старалась она весьма скрывать свое сердце. Донъ Генрихъ приказалъ, чтобъ не пускать къ ней никого безъ его позволенїя, выключая одного Октавїя. Въ сей домъ, которой построенъ былъ на большой дорогѣ, печальной Валеръ пришелъ посѣтить свою нещастную Лауру. Сїя красавица была въ великой радости, какъ ей сказали, что любовникъ хочетъ ея видѣть: но сїя радость обратилась въ отчаянїе при видѣ смертельной печали изображенной на лицѣ его. Я пришелъ, говорилъ онъ ей,

требовать отъ васъ жертвы, которая мнѣ стоитъ столь же дорого, какъ и вамъ; и вы должны согласиться вытти за моего соперника. Не думайте, продолжалъ онъ, видя ея удивленіе, чтобъ отецъ вашъ присутствовалъ при семъ обхожденіи, какъ онъ былъ при томъ, которой насъ погубилъ. Мы теперь одни, прекрасная Лаура: языкъ мой ничего такого не говоритъ, чтобъ не чувствовало мое сердце. И хотя бракъ сей, которой я вамъ предлагаю, будетъ причиною моей смерти; однакожъ согласіе отъ васъ на то, почту я себѣ за милость, для того что спасетъ оно жизнь моего друга. Послѣ сихъ словъ, расказалъ онъ ей все то, что происходило въ Кордуѣ, и увѣдомилъ ея о бѣдствіи, въ которое приведенъ будетъ Ансельмъ, естьли она не покорится отцу своему. Сколь я нещастлива, вскричала Лаура! Какъ! я не могу иначе спастись отъ жестокихъ напастей, кои меня отягощаютъ, какъ чрезъ средство еще жесточайшее! Ахъ! сіе мнѣ не стерпимо: надобно, чтобъ смерть меня избавила! Вздыханія перервали рѣчь ея; и сіи любовники смотрѣли одинъ на другаго въ молчаніи. Тогда глаза ихъ сообщали живѣй-

вѣйшимъ красноречїемъ всѣ чувства ихъ сердецъ. Между тѣмъ время проходило, Анселмъ былъ въ томъ бѣдствїи, въ которое его ввергнула одна дружба. Валеръ и Лаура должны были свободить его; и сколько любовъ ихъ ни терзала, но надлежало спасти друга, которой не былъ бы виновенъ, естьлибъ не имѣлъ великодушїя. Все еще не такъ отчаянно, говорила Лаура. Октавїй не увѣдомленъ о принужденїи, которое мнѣ дѣлаютъ. Я раскажу ему: глаза̀ мои нашли ужѐ доро́гу къ его сердцу, и надѣюсь, что онъ сжалится на мои сле́зы. Прости, Валеръ; скажи Дону Генриху, что я предпрїяла окончать побѣду надъ собою; между тѣмъ постараюсь увѣдомить Октавїя, что желаю я съ нимъ переговорить. Съ тою-то слабою надеждою сїи любовники разлучились! Валеръ не успѣлъ еще отъѣхать, какъ Лаура писала къ Октавїю; но весьма остерегалась, чтобъ не показать того письма невѣрной Инесѣ. Октавїй не зналъ, за что почитать желанїе, которое Лаура оказываетъ, чтобъ его видѣть. И какъ обыкновенно всякому сродно льстить себя; сверьхъ того и письмо написано было такими словами,

что влились въ него радостныя чувства: то пришелъ онъ въ такой восторгъ, какого еще не чувствовалъ. Лаура видала его съ того времени, какъ заключена была въ сiю тюрьму, только для того, чтобъ повиноваться отцу своему; и почтенiе, которое она къ нему имѣла, удерживало ея расказать всѣ тѣ обманы, кои онъ ей дѣлалъ, не хотя открыть стыда его, о которомъ вѣдала она довольно, что ни Донъ Алонзо, ни Октавiй не знали. Что жъ до Валера, онъ не спѣшилъ увѣдомить Дона Генриха о состоянiи, въ которомъ оставилъ дочь его; и сiе не ранѣе было другаго дни, какъ пошелъ онъ къ нему съ отвѣтомъ. Хитрой старикъ побѣжалъ немедленно въ покои къ Октавiю, которой жилъ съ нимъ, чтобъ здѣлать его участникомъ сея щасливыя новизны, безъ труда скрывая то, какимъ вымысломъ принудилъ Лауру тому повиноваться. Онъ не засталъ его дома: но увидѣлъ невзначай на столѣ письмо, которое было дѣйствительно то, что дочь его писала прошедшаго дни, и не могъ противиться своему любопытству, чтобъ не разсмотрѣть его. Но какимъ ужасомъ объятъ онъ былъ, по прочтенiи

сего

сего письма! То можно разсудить изъ того, что оно въ себѣ содержитъ.

„Мнѣ весьма много надлежитъ,
„Октавій, умножить почтенія къ той
„особѣ, которую опредѣлилъ мнѣ мой
„отецъ, чтобъ не желать изъяснить
„вамъ того, въ чемъ вы можетъ быть
„приносите на меня жалобы. Приди
„прежде выслушать слова мои, нежели
„обвинить меня. Я ожидать буду
„васъ завтра, и льщусь такъ оправ-
„дать себя въ вашихъ мысляхъ, что
„что вы найдете меня достойнѣе ва-
„шего сожалѣнія, нежели гнѣву.

Лаура.

Донъ Генрихъ разумѣлъ черезъ сіе письмо, что дочь его намѣрена открыть Октавію тѣ обманы, которые она отъ него терпѣла; и по причинѣ боялся изъясненія столь для него безчестнаго и противнаго его намѣренію. Онъ не терялъ времени, для отвращенія сего жестокаго удара, и не могъ иначе остановить его, какъ только предупредя въ томъ дочь свою угрозами ужаснѣйшаго дѣйствія своего гнѣва, естьли откроетъ она его хитрости Октавію; и для совершенія

того,

того, предпріялъ онъ поступить въ семъ случаѣ такимъ образомъ, какимъ столь удачно обманулъ Валера, или лучше сказать, вознамѣрился скрывшись, слушать, какъ Лаура говорить будетъ съ Октавіемъ. Въ письмѣ его дочери не назначено было число дня: она дала знать сему любовнику, что ожидаетъ его на завтрее; и Донъ Генрихъ не зналъ, что получилъ онъ сіе нещастное письмо прошедшаго дни. Онъ пошелъ немедленно въ тотъ домъ, гдѣ стерегли его дочь; и въ какомъ былъ смущеніи, какъ сказали ему, что Октавій уже пришелъ къ ней! Словомъ сказать, увидѣлъ его, что велъ онъ Лауру въ бесѣдку, которая была не далеко отъ большой дороги. Онъ спрятался за полисадъ, гдѣ совершенно могъ слышать ихъ разговоръ.

Для васъ то будетъ лучше, что открою я вамъ свое сердце, сказала Лаура, смотря на Октавія искреннимъ видомъ. Я васъ просила, чтобъ пришли вы ко мнѣ, и очень худо отвѣтствовать буду за честь здѣланную мнѣ вами, естьли скрою отъ васъ ту крайность, въ которую приведена я тѣмъ, что не могу итти за васъ, не почитая себя нещастнѣйшею въ свѣтѣ.

Отъ

Отъ сего зависитъ спокойствіе ваше, такъ же какъ и мое, чтобъ не оканчивать того брака, котораго небо не дозволяетъ. Въ вашей волѣ состоитъ разрушить мои нещастія. Мы не рождены одинъ для другаго. Я знаю всѣ ваши достоинства; но васъ предускорили; и первыя склоности моего сердца, здѣлали его нечуствительнымъ ко всѣмъ другимъ. Вы мнѣ ничего не сказали такого, отвѣствовалъ Октавій, чего бы ужѐ я не слыхалъ съ такою прискорбностію, которую можетъ только чувствовать столь нѣжное сердце, какъ мое. Я знаю, что не въ нашей волѣ любить и ненавидѣть. Щастливой Валеръ овладѣлъ моими правами еще прежде, нежели я. Но, жестокая, для чего ты соглашалась итти за меня? Я ничего не ожидалъ отъ васъ, кромѣ отказу, чтобъ тѣмъ истребить безполезную страсть свою. Вы подавали мнѣ надежду для того только, чтобъ погубить меня, и не открывали мнѣ своего сѐрдца до тѣхъ поръ, какъ привели меня въ такое состояніе, что я не могу васъ оставить; Однимъ словомъ сказать, вы меня обманули.... Окончайте свои выговоры, Октавій,

перервала Лаура рѣчь его, и не обвиняйте, не выслушавъ. Меня самое обманули, и естьли вы узнаете о жестокомъ средствѣ употребленномъ отцомъ моимъ, чтобъ остановить намѣренїе, которое уже имѣла вамъ отказать; но вижу довольно, что вы мнѣ не вѣрите. Надлежитъ о всемъ васъ увѣдомить, и вы найдете презрѣнною хитрость, которою . . . . Постой не достойная дочь, вскричалъ Донъ Гинрихъ, вышедъ съ обнаженною шпагою; надобно, чтобъ тайна твоя изчезла съ тобою, и я долженъ сею жертвою моей чести. Лаура приведена была въ такой ужасъ симъ позорищемъ, что не старалась избавиться отъ гнѣву отца своего; и естьлибъ Октавїй не сталъ между ею и Дономъ Генрихомъ: тобъ сей жестокой въ первомъ движенїи, можетъ быть принесъ бы ея въ жертву своей вспыльчивости. Онъ схватилъ шпагу, чтобъ препятствовать произведенїю въ дѣйство сего варварскаго намѣренїя; и на силу могъ ли бы то здѣлать, естьлибъ небо не послало Лаурѣ новую помочь, которой она со всѣмъ не ожидала.

Бесѣдка, гдѣ сїе печальное дѣйствїе происходило, была, какъ уже

сказано,

сказано, на большой дорогѣ: шпажной стукъ и крикъ Лауринъ слышанъ былъ проходящимъ. Она старалась отворить двери, чтобъ спастись отъ лютости отца своего, илибы впустить тѣхъ, кои придутъ къ ней на помощъ. Донъ Генрихъ слѣдовалъ ей съ поспѣшностїю, и хотѣлъ ужѐ отнять жизнь ея, какъ вдругъ рука сильнѣе, нежели его, остановила смертельной ударъ. Онъ обратился съ яростїю на того, кто отнялъ у него сїю жертву. Но какимъ ужасомъ былъ онъ пораженъ, какъ узналъ въ немъ своего брата, которой ввѣрилъ ему прежде молодаго Валера! Удивленїе Дона Карлоса было не меньше, нашедъ Дона Генриха съ обнаженною шпагою противъ дѣвицы, которую онъ не почелъ за свою племянницу, не видавъ ея иначе, какъ только младенцемъ. Что такое, любезный братъ, говорилъ Донъ Карлосъ, выхвативъ изъ рукъ его шпагу? что она вамъ здѣлала? развѣ забыли вы должное почтенїе къ ея полу? Сынъ вашъ, отвѣтствовалъ ему Донъ Генрихъ, принудилъ меня принесть въ жертву собственную мою дочь. Вашу дочь! вскричалъ Донъ Карлосъ, смотря на нея съ прилѣжанїемъ; и мой

сынъ привелъ къ сему варварству! какъ! тотъ сынъ, котораго я у васъ оставилъ столь добродѣтельна, могъ быть причиною сего убїйства? ахъ! естьли онъ виновенъ, я первой накажу его, презирая всю любовь, которую къ нему имѣю. А вы, великодушной незнакомецъ, продолжалъ онъ, оборотясь къ Октавїю; вы были защитникомъ сея нещастныя дѣвицы. естьли знаете вину моего сына, удостойте меня о томъ увѣдомить, чтобъ я не умедлилъ наказанїемъ, которое долженъ онъ претерпѣть за свою неблагодарность. Октавїй расказалъ Дону Карлосу все, что происходило, выключая хитрости Дона Генриха, о которыхъ онъ самъ еще не зналъ. Но симъ жестокимъ отцемъ овладѣвъ угрызенїе совѣсти, открыло на конецъ ему глаза, кои имѣлъ онъ потуплены; и смотря на своего брата съ остаткомъ стыда, говорилъ ему: я болѣе виновенъ, нежели вы думаете. Октавїй не все вамъ расказалъ: я чрезъ хитрости, коихъ стыжуся, уготовилъ себѣ сїю горесть, которая отнимаетъ у меня оставшїеся дни мои. Но, любезной братъ, естьли въ вашемъ щастїи не болѣе перемѣны, какъ въ

моемъ

моемЪ: то пожалѣйте меня, оставя вину мою. Я дѣлалЪ то, любя дочь свою, что принуждалЪ ея. Октавій представлялЪ ей такое благополучіе, которое превосходило ея надежду, и мою бѣдность.... Не говорите болѣе о бѣдности, перервалЪ ДонЪ КарлосЪ рѣчь его; я обѣщаюсь раздѣлить сЪ вами мое щастіе. Небо было ко мнѣ благосклонно; и естьли Октавій не зделалЪ вамЪ иныхЪ заслугЪ, кромѣ богатства; то ВалерЪ можетЪ вамЪ наградить сей уронЪ. ОтЪ васЪ зависитЪ, продолжалЪ онЪ, оборотясь кЪ Октавію, зделать всѣхЪ насЪ щастливыми. Вы имѣете болѣе великодушія, нежели чтобЪ разрушить то, что сродство и первыя склонности соединили столь неразлучно. Вы родились быть щастливымЪ, и не можете имѣть того сЪ такою особою, которая васЪ считать будетЪ за своего тиранна. Я могу вамЪ наградить тотЪ уронЪ, отдавЪ за васЪ сію дѣвицу, кою вы передЪ собою видите. Октавій обратилЪ глаза свои на молодую особу, которая была совершенная красавица, и имѣла такое сходство сЪ Лаурою, что онЪ не могЪ ея видѣть безЪ восхищенія. На конецЪ, сказалЪ

онЪ

онъ Дону Карлосу, что доволенъ тѣмъ представленïемъ, которое онъ ему дѣлаетъ, и чувствуетъ въ себѣ желанïе принять его. Дона Генриха столь обрадовало слышанное имъ, что онъ не могъ довольно надивиться столь полезной перемѣнѣ своего щастïя. Они прïѣхали всѣ въ Кордуу; и Валеръ увѣдомясь о прибытïи отца своего, прибѣжалъ къ нему, и думалъ умереть отъ радости, въ его объятïяхъ. Ансельмъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы; и черезъ нѣсколько дней послѣ того, окончался двойной бракъ, Лауры съ Валеромъ, а дочери Дона Карлоса съ Октавïемъ.

КОНЕЦЪ.